

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

Филологический факультет

Кафедра русской и мировой литературы

Далевские чтения – 2018

Материалы

Университетской

научно-практической конференции

14 марта 2018 г.

г. Луганск

2018

УДК [811.161.1 + 821.161.1] (062) + 926Даль
ББК 81.2Р + 83.3 (2Рос)-8Даль
Д15

Рецензенты:

Унукович В.В. – заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, кандидат филологических наук, доцент;

Соболева И.А. – и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент;

Нередкова С.С. – декан факультета филологии и массовых коммуникаций ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.

Далевские чтения – 2018: материалы Университетской научно-практической конференции (14 марта 2018 г.). – Луганск: Книта, 2018. – 71 с.

Настоящий сборник является результатом коллективного труда работников высших образовательных учреждений, включает тезисы, статьи и материалы, раскрывающие различные аспекты многогранного творческого наследия В.И. Даля (Казака Луганского). Он адресуется учёным-исследователям литературного наследия В.И. Даля, учителям и студентам.

Под редакцией
коллектива авторов

*Печатается по решению Научной комиссии
Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко
(протокол № от 2018 года)*

УДК [811.161.1 + 821.161.1] (062) + 926Даль
ББК 81.2Р + 83.3 (2Рос)-8Даль
Д15

*Ильин С.А.
г. Луганск*

КАЛЕЙДОСКОП НАРОДНОГО БЫТА; В.И. ДАЛЬ В КРИТИКЕ Н.И. СВЕДЕНЦОВА

Николай Иванович Сведенцов (1831– 1886) – критик круга Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, автор работ о театре и сценарическом искусстве. Статья Н. Сведенцова «Сочинения В. Даля. Издание М. Вольфа. 1861 г.» была опубликована в журнале «Светоч» в 1862 году и явилась откликом на последнее издание произведений В. Даля, состоящее, по словам критика, из «восьми томов мелкой печати, способных испугать присяжного рецензента и обрадовать любопытного досужного, любознательного читателя».

Подводя итоги и определяя «общий ход» тридцатилетней литературной деятельности В. Даля – от «Былей и небылиц» до «Картин русского быта» – критик отмечает, что уже в первых его произведениях «высказалось желание ознакомить читателя с материалами русской народной жизни, заключающимися в наших сказках и местных преданиях». Однако создать «особый род народной литературы» не удалось, нашёлся критик, «верно определивший» значение В. Даля как писателя: В. Белинский видел в нем только забавного балагура, умеющего кстати употреблять простонародные выражения. Как видим, из глубокой, всесторонней оценки творчества Даля, данной Белинским, Н. Сведенцов выделил на первый план лишь суждения о В. Дале как простонародном писателе. Эти положения, действительно, присутствуют у Белинского, но не исчерпывают всей полноты его оценки.

Произведения В. Даля критик сравнивает с «пёстрым калейдоскопом», в котором поочередно сменяются коротенькие рассказы из народного быта, сказки, небольшие повести, этнографические и физиологические очерки, анекдоты и остроты, но они, по мнению Н. Сведенцова, «далеко не представляют капитального приобретения на пользу знания русской жизни точно так же, как анекдоты Балакирева о Петре Великом вовсе не обогащают русской истории». Н. Сведенцов подчеркивает, что сравнение произведений В. Даля с калейдоскопом не случайно: «это название вполне можно применить к нему как по разнообразию сообщаемых им сведений, так и по малому значению их в области искусства». Подобно тому, как в калейдоскопе мелькает перед нашими глазами множество разных фигур, из которых ни одна не превышает диаметра трубки и которые при этом представляют собой различные сочетания одних и тех же камней, точно также в произведениях В. Даля мы видим множество мелких фигурок, вертящихся около одного центра – русской народной жизни, но не превышающих размера «путевых заметок туриста, много ездившего по России и записывающего все, что попадалось под руку». Фигуры калейдоскопа, поясняет Н. Сведенцов, появляются под влиянием рефлексии треугольной зеркальной призмы, точно так же «тесна и узка рефлексия В. Даля, нигде не выступающая за пределы заветного треугольника, сквозь который автор смотрит на русскую жизнь». Внешнее мирозерцание В. Даля не идет далее размеров обыкновенного практического здравого смысла, постоянно варьируется вопрос: «Скажите, добрые люди, почему это так, а это так», – и в итоге сводится к неизбежному решению: «принять к сведению», то есть поместить в число калейдоскопных камней.

Отсюда выходит, полагает Н. Сведенцов, что «произведения В. Даля, представляя, с одной стороны, целый ряд разнообразных черт и случаев народной жизни, поражают в то же время своей односторонностью и производят такое же утомительное впечатление скуки, какое может родиться вследствие долгого смотрения в отверстие калейдоскопа». Поэтому критик не считает нужным вдаваться в подробный разбор произведений В. Даля, а стремится определить общий характер его литературной деятельности.

Опираясь на признание В. Даля в том, что он не ценит высоко своих произведений в художественном отношении, но полагает что они могут быть полезны по своему направлению и языку, Н. Сведенцов утверждает: он «не художник, а просто искусный рассказчик–балагур, слушая которого, можно подчас засмеяться, а подчас зевнуть самым нелicenseмерным образом». Направление В. Даля – ознакомление читателя с русским народным бытом – цель прекрасная, она может быть достигнута двумя путями: 1) или автор берёт из народной жизни материалы, очищает их от посторонней грязи и случайной примеси и представляет читателям, но это лишь материалы для будущей разработки; 2) или же автор, опираясь на материалы из народной жизни, создает из них полную и законченную картину, вводит нас в тайны народного быта, группирует материалы рукою художника и озаряет ярким лучом творчества. «По какому пути идет В. Даль?» – задается вопросом Н. Сведенцов и отвечает: «Ни по тому, ни по другому; он не дает нам ни чистого материала, ни художественной картины. Его путь какой-то средний». В итоге у него получается «тусклые фотографические снимки той жизни, которая по преимуществу нуждается в полном освещении творческой мысли».

Как же обращается В. Даль с материалами из народной жизни? Мир народности, из которого черпает писатель, обширен и интересен, в нём «тысячи противоречий сменяют одно другое, скрывая в себе тайный смысл и причины этих повседневных явлений». Но всё ли нуждается в литературном воспроизведении? Н. Сведенцов убежден, что «для определения характера народной жизни нужны те явления, те случаи, в которых высказываются коренные черты народности, а не весь будничнейший скарб народа, из которого подчас нельзя извлечь никакой определенной идеи... Литература есть создание искусства, а не запасной магазин, в который можно валить без разбора разные кипы былей и небылиц, преданий и сказок, повестушек и анекдотов, не потрудившись отделить от них то, что годится в печать, от того, что годится разве только на обёртку». Такого рода «обёрточную» литературу Н. Сведенцов называет балластом в литературном деле и причисляет к ней такие произведения В. Даля, как «Капитанша», «Поверка», «Круговая беседа», «Бред», «Осколок льда», «Невольные соперники», «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся», «Расплюх» и т.п. Если эти произведения и имеют свое законное место в литературе, то не более чем «в общественном разговоре необходимы толки о погоде, справки о здоровье и прочем», ведь в искусстве необходим отбор материалов.

«Если, с одной стороны, – по мнению Н. Сведенцова, – В. Даль грешит против роли собирателя материалов отсутствием такта в выборе и оценке годных для литературы предметов, то, с другой стороны, он грешит против художественности в воссоздании народной жизни. Он не живописец, а только фотограф. В своих рассказах он передает с необыкновенной верностью лишь внешние стороны народного быта со всеми его мелочными подробностями. В. Дально доступно лишь действительность материи, но недоступна действительность духа, которая в искусстве является результатом творчества, оказывает непосредственное воздействие на чувства читателей и производит на всех приблизительно одинаково сильное впечатление. Такого «пробирающего» элемента, говорящего прямо сердцу, заставляющего призадуматься над прочитанным, перенестись в ту среду, которую описывает автор «нет или очень мало в рассказах В. Даля». Правда его изображения не трогает читателей, потому что она обращена к ним только своей внешней стороной. Причины этого Н. Сведенцов видит в том, что В. Даль «не всегда подмечает коренные, существенные черты описываемой им народности, не захватывает глубоко ее повседневных явлений, и притом недостаточно рельефно обрисовывает их. Ни одного

типа, ни одного определенного цельного характера не встречаем мы в его рассказах из русского быта. Попадают местами верно схваченные черты, живописные образы, но нет в них целостности, единства, гармонии. Искусственность, самая подробная и добросовестная, не может заменить искусство. И В. Даль вовсе не народный писатель в настоящем смысле слова. Именно потому, что в нем нет творчества, без которого не может быть верно воссоздана никакая действительность, никакая народность».

Сравнивая Д. Григоровича и В. Даля, Н. Сведенцов утверждает, что «Григорович, со всей своей идеализацией, несравненно более народный писатель, нежели Даль». Хотя В. Даль богаче материалами из народной жизни, Григорович показывает подчас «такую народную правду, какой не найдем мы ни в одном из рассказов Даля». «Антон Горемыка» и «Переселенцы», «Пахарь» и «Рыбаки» обогатили русскую литературу современными идеями, а «картины русского быта» только дополнили количество анекдотов о различных случаях из жизни народа. Произведения В. Даля не направлены на осмысления внутренней стороны явления, скрытого смысла факта. Ему доступна фактографическая, а не художественная правда, которая, по Н. Сведенцову, заключается в «сочетании внутреннего с внешним, идеи с формой», показывает, что «в жизни народа нет ничего случайного, чисто внешнего, а что все основывается и коренится на внутренней связи различных сторон народного духа». Отсутствие этого связующего начала, которое не ограничивается только одной внешностью, а проникает в самую глубину явления, Н. Сведенцов считает главным недостатком В. Даля.

Отсутствие типов и цельных характеров в произведениях В. Даля критик объясняет и банальностью его тематики: почти из каждого рассказа В. Даля «редко что можно извлечь, кроме самых дюжинных, избитых общих сведений», вроде того, что мошенничество иногда сходит с рук, иногда наказывается путем другого мошенничества, а иногда даже и полицией, что приказные на Руси берут взятки, что вор вору рознь, что кладам в народе верят, а мертвого тела боятся, что в крестьянском быту родители не всегда позволяют детям жениться по любви. Но наряду с «пустыми рассказами и незначительными повестушками» встречаются иногда сцены, в которых «верно подмечены коренные черты русской народности и поэтические краски взяты прямо с природы». Это «Варнак», «Удавлюсь, а не скажу», «Грех», «Искушение», «Крушение», «Подземное село», «Ракита» и некоторые другие. Такие «вещицы, имеющие самостоятельное значение поэтических произведений, а не только материала», тем более дороги Н. Сведенцову, что он считает их «исключением из всей остальной массы, отзывающейся искусственною подделкою под народность». Но даже в положительно оцененных рассказах «действительно народные черты» оказываются, по мнению критика, «далеко не первого качества».

Искусственность В. Даля, по мнению Н. Сведенцова, заключается в его «мелочной, фотографической, или вернее дагерротипной, копировке внешних черт народной жизни». Эта искусственность выражается и в квазинародном языке произведений В. Даля. Это не совсем простонародный язык, и в то же время не совсем литературный, это какая-то особенная смесь того и другого и «потому не имеющая никакого определенного характера, никакой физиономии». В произведениях В. Даля образуется «искусная мозаика простонародных выражений, оборотов, слов и терминов, собранных и усвоенных памятью трудолюбивого автора». Это искусственное смешение в языке В. Даля двух элементов, простонародного с литературным, лишает произведение художественной правды. В. Даль, конечно, знает язык русского простонародья, но отчего же происходит этот разлад? Оттого, отвечает Н. Сведенцов, что «автор знает язык точно так же, как и сам народ – только с его внешней стороны, оттого, что у него нет таланта оживить язык тою силою, какую дышит он в устах этого народа, нет умения употреблять его не только там, где этого требует внешний интерес рассказа (балагурство), а там, где этот язык должен выразить самую сущность описываемой им народной жизни». Этот разлад характерен не только для художественных произведений В. Даля: «человек, печатно заявивший о вреде

грамотности для русского народа, не знает его, потому что отвергает его существенные потребности и нужды».

Таковы, по Н. Сведенцову, недостатки В. Даля как художника и как народного писателя. Но как «трудолюбивый собиратель материалов, как путешественник, искрестивший чуть ли не всю Россию и показывающий нам в миниатюре то, чего мы сами, по небытности на месте еще не видали, как рассказчик для не слишком требовательной публики, он имеет свое неоспоримое достоинство». К числу материалов критик относит его сказки, громаду анекдотов и мелких заметок, озаглавленных «Досуги солдатские, матросские» и другие произведения «подобного рода и качества». В сказках, собранных В. Далем, особенно заметна его «бестактность в деле творчества: он рассказывает народные сказки на свой собственный лад, причем они, лишаясь своего местного колорита, не имеют надлежащего значения». Интереснее мелких рассказов и повестей В. Даля Н. Сведенцов считает физиологические очерки: «Петербургский дворник», «Денщик», «Отставной», «Чухонцы в Питере», «негде, впрочем, не выражающие полного типа». Также заслуживающими внимания являются произведения о «нравах и обычаях народов, живущих по окраинам России»: «Майна», «Бикей и Мауляна», «Болгарка», «Подольянка», «Башкирская русалка», «Уральский казак», «Похождение лезгинца Асана». Что же касается его повестей, то в этом «вынужденном», по собственному признанию автора, роде литературной деятельности он не смог достигнуть многого. Как полагает Н. Сведенцов, «бедность идеи, замена живых характеров искусственною характеристикой, недостаток поэзии в образах и картинах, скудость философского взгляда делают то, что самыми лучшими из них, каковы: «Савелий Граб», «Чайкин», «Игривый», не может в настоящее время интересоваться публика, познакомившаяся уже с повестями Тургенева, Писемского и других современных писателей».

Оценки, данные Н. Сведенцовым творчеству В. Даля, характерны для эстетики и критики 1860 годов. Именно эстетическим убеждениям Н. Чернышевского противоречили рассказы В. Даля из народной жизни: да, они воспроизводили жизнь, но ни объяснения, ни тем более приговора в них, конечно, не было. Наряду с несоответствием триединой задаче искусства творчество В. Даля противоречило и учению Н. Чернышевского о художественности, главным законом которого являлось «единство произведения»: если в произведение вносятся элементы, чуждые поэтической идее, она нарушается. В рассказах же В. Даля было огромное количество сведений и подробностей, имеющих чисто этнографический интерес и вовсе не обусловленных художественными задачами. В. Даль – писатель в эпоху расцвета реализма так и остался в пределах натуральной школы, «первым требованием» которой было, по мнению В. Белинского, «возможно близкое сходство изображаемых ею лиц с их образцами в действительности».

Когда Н. Сведенцов называет В. Даля «не живописцем, а только фотографом», говорит о «его мелочной, фотографической, или вернее дагерротипной копировке внешних черт народной жизни», то критик, конечно, опирается на суждения Н. Добролюбова о сторонниках копирования и натурализма, то есть мнимой объективности. Н. Добролюбов четко определяет границы, задачи и возможности субъекта в искусстве: «Художник – не пластинка для фотографии, отражающая только настоящие моменты: тогда бы в художественных произведениях и жизни не было и смысла не было. Художник дополняет отрывочность схваченного момента своим творческим чувством, обобщает в душе своей частные явления, создаёт одно стройное целое из разрозненных черт, находит живую связь и последовательность в бессвязных, по-видимому, явлениях, сливает и перерабатывает в общности своего мирозерцания разнообразные и противоречивые стороны живой действительности». Схожую мысль высказывал в 1857 году В. Боткин: «Призвание поэта... состоит не в фотографически верном изображении природы». Именно на размытость, тусклость творческой субъективности В. Даля неоднократно указывает Н. Сведенцов и подчеркивает

односторонность его взгляда на народную жизнь, отсутствие определенной идеи и недоступность «действительности духа» в искусстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведенцов Н. Сочинения В. Даля. Издание М. Вольфа. 1861 г.// Светоч. Журнал учёно-литературный (год третий), издаваемый под ред. Д.И. Калиновского, 1862. – Отд. II. Критическое обозрение. – С. 23-38. Цит. по: В.И. Даль в критике и литературоведении. Луганск, 2014. С. 164-176. В дальнейшем указывается номер страницы.
2. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С.279-359.
3. Добролюбов Н.А. Забитые люди // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961-1964. Т.7. С.295-275.
4. Боткин В.П. Стихотворения А.А. Фета// Боткин В.П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М.,1984. С.192-234.